

РУССКИЕ МОНОПОЛИСТЫ И ЗАГОВОР КОРНИЛОВ.

В. Я. Лаверычев

История контрреволюционного корниловского мятежа, раскрывающего методы действия реакционных сил в борьбе с пролетарской революцией в решающий период ее развития, постоянно привлекает внимание советских исследователей. Уже в исторической литературе 20—30-х годов были в целом правильно определены основные силы, готовившие заговор против революционного народа, и охарактеризованы причины его неизбежного провала¹. Но лишь после XX съезда КПСС началась глубокая научная разработка проблемы. В ряде общих работ и специальных статей, опубликованных в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции, показана руководящая роль большевистской партии в разгроме корниловского мятежа². В исследованиях последнего десятилетия убедительно доказано, что мятеж Корнилова был подготовлен совместно силами как внутренней, так и внешней контрреволюции. Широко освещена история подготовки военного заговора, участие в подготовке мятежа международной контрреволюции, деятельность кадетов, являвшихся после Февральской революции политическим штабом буржуазии, предательская роль эсеро-меньшевистских лидеров³. Значительно слабее изучена роль русских монополистов в подготовке заговора. Это касается и специальных работ о политической деятельности капиталистов и их организаций в тот период⁴. Именно этому вопросу на наш взгляд, недостаточно разработанному, и посвящается настоящая статья.

¹ В. Владимиров. Контрреволюция в 1917 году. (Корниловщина). М. 192; Е. И. Мартынов. Корнилов. (Попытки военного переворота). М. 1927; О. Чаадава. Корниловщина. М. 1930; «История гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1936, и др.

² Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959, стр. 200—211; А. М. Совокин. Руководящая роль большевистской партии в разгроме корниловского мятежа. Сборник статей «Великий Октябрь». М. 1957; А. Л. Фрейман. Борьба с контрреволюционным мятежом Корнилова на Украине «Исторические записки». Кн. 61. 1957, и др.

³ А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1954; Г. Н. Голиков. Демократическое совещание и провал соглашательской политики эсеро-меньшевиков. «Исторические записки». Кн. 41, 1952; А. Е. Иоффе. Отношение Франции, Англии и США к заговору Корнилова. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. Вып. 19. 1956; Н. Ф. Славин. Кризис власти в сентябре 1917 г. и образование Временного Совета Республики. (Предпарламент). «Исторические записки». Кн. 61; Н. Я. Иванов. Из истории борьбы против «второй корниловщины». «Вопросы истории», 1960, № 11; А. Я. Грунт. Заговор обреченных. (Разгром корниловщины). М. 1962; Ф. И. Видясов. Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина. «Вопросы истории» 1963, № 5.

⁴ Р. Ш. Ганелин, Л. Е. Шепелев. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. Сборник статей «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» М.—Л. 1957; Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Исторические записки» Кн. 56. 1956; П. В. Волобуев. Монополистическая буржуазия и Временное правительство. «Труды» Ленинградского отделения Института истории. Вып. IV. М.—Л. 1962.

Политическая обстановка, сложившаяся в России после Февральской революции, не могла удовлетворить русскую империалистическую буржуазию. Помыслы монополистов, выступавших в роли вдохновителей и организаторов внутренних контрреволюционных сил в России, были направлены на ликвидацию двоевластия и установление контрреволюционной диктатуры. Разногласий в отношении этой главной и конечной цели у буржуазии не было. Однако по вопросу о путях и формах осуществления контрреволюционной диктатуры между двумя основными группировками империалистической буржуазии — московскими капиталистами и петроградскими финансовыми кругами — имелись противоречия, которые, конечно, нельзя абсолютизировать. Но было бы неверным совсем не учитывать их при рассмотрении политической обстановки в России после Февральской революции.

Разногласия по политическим вопросам между этими группировками наметились еще до революции. Представители петроградских финансовых кругов обнаруживали большую приверженность к самодержавию и стремились всячески поддерживать окончательно одряхлевший политический режим. Их вполне удовлетворяли те многочисленные привилегии и преимущества, которые самодержавие охотно предоставляло магнатам финансового капитала и которые всегда могли быть умножены путем закулисных переговоров с дворцовой камарильей. Поэтому для петербургских финансистов характерна ограниченность в вопросах политической жизни. Они не претендовали на руководящее положение в буржуазно-опозиционном движении; их деятельность в этом направлении сводилась лишь к финансовой поддержке политических партий.

В противоположность этой группе московские текстильные фабриканты, в первую очередь выражавшие интересы национальной буржуазии, проявляли все усиливающуюся политическую активность. Они предприняли попытку создания чисто буржуазной национал-либеральной партии; стремились оказать влияние на тактику кадетов и октябристов. В этих кругах все отчетливее наблюдалась тенденция задавать тон в политической жизни страны.

После Февральской революции отмеченные особенности обеих групп в основном сохранялись. Руководители петроградских банков и неразрывно связанных с ними монополистических союзов тяжелой промышленности, как и прежде, не принимали сколько-нибудь активного и прямого участия в политической жизни страны. Они поддерживали (в первую очередь материально) контрреволюционные партии и организации, финансировали контрреволюционную пропаганду и агитацию. Однако основную ставку они делали на контрреволюционный военный заговор, при подготовке которого с самого начала опирались на наиболее монархически настроенные элементы армии.

С первых дней после Февральской революции они стали подыскивать кандидата в диктаторы. Уже тогда, после обстоятельного изучения высшего командного состава царской армии, их внимание привлек весьма заурядный генерал Корнилов, не блиставший военными способностями, но отличавшийся при устойчивых монархических взглядах столь необходимыми для этой роли твердостью характера и жестокостью. Еще 2 марта 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы Родзянко телеграфировал в ставку, что «безотлагательное командирование генерала Корнилова... повелительно необходимо... для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй»⁵. Но спасти монархию Корнилов уже

⁵ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий». Т. 1. М. 1957, стр. 39.

не успел; тем не менее кратковременное пребывание на посту начальника Петроградского военного округа он использовал для установления более тесных связей с монополистами. А. И. Гучков в воспоминаниях, опубликованных в Париже на страницах эмигрантской периодической печати, характеризуя контрреволюционные замыслы петроградских финансовых кругов, писал: «В это время (сразу же после Февральской революции.— В. Л.) по инициативе А. И. Путилова образовался негласный комитет из представителей банков и страховых обществ. В этот комитет вошел и я. Чтобы официально оправдать наше существование, мы назвали себя Обществом экономического возрождения России. На самом же деле мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов в Учредительное собрание и для борьбы с влиянием социалистов на фронте. В конце концов, однако, мы решили собранные нами крупные средства передать целиком в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против Совета р. и с. депутатов»⁶. Общество, инициаторами создания которого были А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский, организовалось в апреле 1917 года. Определяя цели Общества, Путилов заявлял: «Нужно было организовать борьбу с большевиками на фронте и в тылу»⁷. Инициатива Вышнеградского и Путилова встретила горячий отклик в банковских, промышленных и страховых кругах. В комитет организации вошли Н. Н. Кутлер, Н. А. Белоцветов, Б. А. Каменка, А. П. Мешерский, А. И. Вышнеградский и А. И. Путилов⁸ — лидеры Совета съездов представителей промышленности и торговли, Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, Совета съездов представителей акционерных коммерческих банков, заправили крупнейших в России петроградских банков (Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Международного и др.).

В короткий срок для нужд политической борьбы петроградские капиталисты собрали около 4 млн. рублей. «Собрали,—признается Путилов,— а что с ними делать, не знали». «Выручил» Гучков, оказавшийся не у дел после отставки с поста военного министра. Его ввели в комитет Общества, поручившего ему практическую работу. По утверждению Путилова, в течение лета 1917 г. Гучков занимался организацией контрреволюционной пропаганды, затратив около 500 тыс. рублей⁹. Значительная часть средств была использована для поддержки октябристов, изменивших вывеску и назвавших свою партию «либеральной». Совет Общества 6 июня ассигновал руководству этой партии для развития ее деятельности 100 тыс. рублей¹⁰. Остальные средства, видимо, расходовались через Центральный военно-промышленный комитет. Руководители общества не питали, однако, особых иллюзий относительно результативности политической пропаганды. Путилов утверждал: «Думали мы, грешным делом, что ничего путного из пропаганды не выйдет»¹¹. Поэтому основные средства предназначались для организации вооруженной контрреволюционной борьбы.

Еще в период создания Общества экономического возрождения России происходили переговоры представителей банков с Корниловым. В начале апреля 1917 г. на квартире В. С. Завойко (Русско-Азиатский банк) состоялось совещание представителей петроградских капиталистических кругов и военных деятелей из окружения Корнилова. В совещании приняли участие Б. А. Суворин (газета «Новое время»), В. Н. Троицкий-Сенютович (Международный банк), адъютант Корнилова, полковник

⁶ «Последние новости», 30 сентября 1936 года.

⁷ «Последние новости», 20 января 1937 года.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ О. Ч а а д а е в а. Помещики и их организация в 1917 г. М.—Л. 1928. стр. 144.

¹¹ «Последние новости» 20 января 1937 года.

В. Д. Плетнев и др. На этом совещании, по свидетельству одного из его участников, Е. Семенова, все «сошлись на генерале Корнилове» как будущем диктаторе. Через несколько дней Корнилов заявил о своем согласии с планами петроградских финансистов и выразил готовность к сотрудничеству¹². Для того, чтобы держать Корнилова в поле зрения, петроградские круги приставили к нему своего человека — Завойко, который, проявив «патриотический» пыл, поступил добровольцем в армию и стал ординарцем Корнилова. По существу, он выполнял роль его советника по политическим вопросам¹³.

Делая основную ставку на Корнилова, представители петроградских банковских кругов стремились содействовать мобилизации всех активных контрреволюционных сил в армии. Так, в начале мая 1917 г. генерал Врангель встречался в Петрограде с Завойко для обсуждения хода подготовки военного заговора. Ему удалось создать в Петрограде офицерскую организацию, которую возглавил граф Пален. Сам Врангель переехал в штаб 8-й армии Корнилова и продолжал поддерживать связь с созданной им организацией¹⁴.

Несколько особое положение среди крупных петроградских банков занимал после Февральской революции Сибирский банк. Еще в первых числах марта вокруг банка стала складываться организация, «имевшая за свою спиною многочисленные крупные силы в разнообразных кругах промышленных, финансовых, железнодорожных, военных, рабочих и др.». Организация, как видно из письма Денисова к Родзянко от 10 марта 1917 г., ставила перед собой цель поддержать Временное правительство «путем печатной и словесной пропаганды, направленной в ближайший момент к установлению спокойствия в стране, организации победы». Еще 7 марта Денисов сообщал Родзянко об открытии в Сибирском банке счета Временному комитету Государственной думы на сумму 1 млн. рублей для нужд политической пропаганды. Вслед за этим такую же сумму Комитету предоставил Совет съездов акционерных коммерческих банков. Значительные суммы внесли отдельные банки и крупные предприятия. Все средства Временного комитета сосредоточились в руках Фонда освобождения России, созданного по инициативе Б. А. Энгельгардта, В. Н. Львова, Н. Н. Львова и других политических деятелей¹⁵.

Однако и для группы Сибирского банка организация контрреволюционной пропаганды и агитации не являлась главным направлением деятельности. Руководители группы упорно пытались установить связи с военными кругами. Так, еще в мае 1917 г. на квартире одного из членов совета Сибирского банка в присутствии Корнилова состоялось совещание, организационно оформившее Республиканский центр. Формальное руководство центром находилось в руках народных социалистов (К. В. Николаевский, А. А. Богдановский) и эсеров (А. Л. Рума). Только один из товарищей председателя, П. Н. Финисов (член совета Сибирского банка),

¹² «Последние новости», 20 февраля 1937 года.

¹³ «История гражданской войны в СССР». Т. 1, стр. 327—328. В. С. Завойко, появившийся на авансцене политической жизни в связи с заговором Корнилова, заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько слов. Это необходимо еще и потому, что связи его с финансовым миром в литературе определяются не совсем точно. Он принадлежал к руководящей верхушке крупнейших петроградских банков. А. И. Путилов вынужден был признать, что В. С. Завойко — близкий родственник его приятеля А. Ф. Рафаловича (Русский для внешней торговли банк). По просьбе Рафаловича Путилов устроил Завойко в лианозовскую группу предприятий нефтяной промышленности, тесно связанных с Русско-Азиатским банком («Последние новости», 20 марта 1937 года). Самый беглый просмотр справочников показывает, что как представитель Русско-Азиатского банка Завойко фигурирует в качестве члена правления по крайней мере доброго десятка предприятий нефтяной промышленности (см. «Акционерно-паевые предприятия России». М. 1917, стр. 284, 294, 299, 300, 302, 304, 313, 314).

¹⁴ «Последние новости», 20 февраля 1937 года.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1278, оп. 10, д. 11, лл. 7, 9, 24; д. 14, лл. 28, 33; д. 16, лл. 1—3.

был наблюдателем от промышленников. Новая организация стремилась, по словам Финисова, «затормозить начавшееся стихийное движение», то есть революционную борьбу народа. До июля 1917 г. организация в основном занималась пропагандой. В отличие от группы крупных банков, использовавших для организации политической агитации сравнительно умеренные (даже по дореволюционным временам!) силы, Сибирский банк ориентировался на наиболее приемлемую часть «социалистов», вполне отдавая себе отчет в безопасности их деятельности для капиталистических порядков. Пропаганда эта, по признанию Финисова, в конечном итоге велась с кадетских позиций. Вскоре после организационного оформления Республиканского центра в мае 1917 г. состоялось совещание руководства Сибирского банка (Э. К. Груббе, Н. А. Асс, В. В. Андреев, В. В. Тарновский и др.) с председателем центра — народным социалистом К. В. Николаевским. Совещание постановило «оказать финансовую поддержку работе против возрастающего влияния Совета». С этой целью руководители банка ассигновали центру вначале 100 тыс. руб., а затем еще 50 тыс. рублей. При центре был создан военный отдел, возглавляемый некоторое время адмиралом Колчаком¹⁶.

Если до Февральской революции «прогрессивные» московские капиталисты, возглавлявшиеся Рябушинским, пытались сплотить под свои знамена различные буржуазные группы и течения, объединяя их на контрреволюционной платформе умереннейшего либерализма, то после свержения самодержавия контрреволюционный характер их деятельности становится все более явным. В отличие от петроградской группировки капиталистов московские фабриканты, действовавшие в тесном контакте с партией кадетов, придерживались в борьбе с революционным народом гибкой тактики. Основным центром политической деятельности московской торгово-промышленной буржуазии после Февральской революции становится Всероссийский союз торговли и промышленности, располагавший значительными средствами. Союз щедро финансировал различные буржуазные контрреволюционные организации и группы и стремился, используя кадетскую интеллигенцию, развернуть широкую контрреволюционную агитацию и пропаганду против большевиков. Руководители союза (Рябушинский, Третьяков, Смирнов и др.) прилагали немалые усилия для объединения различных буржуазных партий, организаций и групп в борьбе с революционными массами¹⁷. Наряду с этим московские капиталисты стремились сколотить ударные военные силы контрреволюции. Особое внимание Всероссийский союз торговли и промышленности уделял агитации в армии. Сразу же после Февральской революции между капиталистами и офицерскими организациями стали налаживаться тесные контакты. Еще в апреле были ассигнованы Совету офицерских депутатов в Москве, возглавлявшемуся генералом Друцким, значительные средства для издания газеты «Война и мир». В это же время промышленники оказали денежную поддержку издававшейся в Орле специальной газете для солдат¹⁸. В середине мая на заседании политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности представитель Союза офицеров армии и флота, возникшего при ставке, докладывая о целях и задачах Союза, просил материальной помощи для издания газеты и организации пропаганды среди солдат¹⁹.

Одновременно московские промышленники укрепляли налаженные ими за годы войны связи с генералитетом. Наиболее приемлемыми

¹⁶ «Последние новости», 27 февраля 1937 года.

¹⁷ См. В. Я. Лаврычев. Всероссийский союз торговли и промышленности. «Исторические записки». Кн. 70, 1961.

¹⁸ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 10, оп. 1, д. 41, лл. 121, 125; «Раннее утро», 12 апреля, 4 и 13 июня 1917 года.

¹⁹ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 143, оп. 1, д. 621, лл. 17—18.

кандидатами в диктаторы они считали М. В. Алексеева и А. А. Брусилова.

Следовательно, деятельность как петроградских банковских воротил, так и московских промышленников до июльских событий, несмотря на некоторые тактические расхождения, можно охарактеризовать как тщательное собиращение всех дееспособных контрреволюционных сил. Это был своеобразный подготовительный период мобилизации людских ресурсов, необходимых для осуществления мятежа в недалеком будущем.

После июльских событий начинается непосредственная организационно-техническая подготовка контрреволюционного переворота. Офицерские организации в армии активизировались уже в июльские дни. В первых числах июля Корнилов, являясь главнокомандующим Юго-Западного фронта, начинает формирование контрреволюционного отряда. Одновременно с 3 по 20 июля в 73 городах были организованы областные комитеты и отделы по формированию «революционной» добровольческой армии, идея создания которой возникла в мае 1917 г. на съезде делегатов Юго-Западного фронта и была поддержана бывшим главнокомандующим фронта Брусилковым. После назначения Брусилова верховным главнокомандующим при ставке был организован Центральный исполнительный комитет по формированию ударных батальонов, а в Петрограде стал действовать Всероссийский центральный комитет по организации добровольческой «революционной» армии. Правда, до июльских событий формирование армии шло медленно²⁰. Поэтому в правительственных и финансовых кругах назревало серьезное недовольство деятельностью Брусилова. Монополисты все настойчивее требовали решительных мер по укреплению дисциплины в армии. В декларации торгово-промышленных кругов, врученной 15 июля 1917 г. Третьяковым и Кутлером Керенскому, высказывалось требование восстановления боевой мощи армии и установления железной дисциплины на фронте и в тылу²¹.

Совещание в ставке, созванное 16 июля 1917 г. Керенским, показало, что Брусилов не способен возглавить решительные контрреволюционные действия. Это предопределило его судьбу. «Впечатление от совещания, — по словам Керенского, — получилось совершенно удручающее, и среди мнений присутствовавших некоторым просветом была телеграмма, сообщенная генералом Корниловым... Это совещание, несомненно, сыграло известную роль в назначении Корнилова»²².

Известно, что российская империалистическая буржуазия при подготовке контрреволюционного мятежа действовала в полном контакте с иностранными дипломатическими миссиями. Представители же Англии и США в России к этому времени окончательно остановили свой выбор на Корнилове²³. Это не могло не повлиять на настроение московских капиталистов, которые все больше заискивали перед англо-американским капиталом, рассчитывая на его помощь в борьбе с назревающей революцией и мирясь поэтому с его открытым вмешательством во внутренние дела России.

Контрреволюционные офицерские организации немедленно поддержали корниловскую программу укрепления дисциплины железом и кровью²⁴. Начался решительный поход против демократических завоеваний в армии. Так, в циркуляре главного комитета Союза офицеров армии

²⁰ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 456—467; Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2003, оп. 2, д. 350, лл. 30, 125—126; д. 347, лл. 2, 234—238.

²¹ «Утро России», 15 и 16 июля 1917 года.

²² Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 683, с. оп. 2, д. 33, л. 97.

²³ См. Ф. И. Видясов. Указ. соч., стр. 54—57.

²⁴ ЦГАОР, ф. 683, с. оп. 1, д. 30, л. 80.

и флота от 29 июля 1917 г. говорилось: «В ближайшем будущем намечается издание приказов об установлении дисциплинарной власти начальников и об определении прав и сфер деятельности комитетов, в дальнейшем будут пересмотрены декларация прав военнослужащих, положение о комиссарах в армии, о порядке производства дел в разных судах и т. п.»²⁵.

Еще до назначения Корнилова верховным главнокомандующим руководители Союза офицеров армии и флота Новосильцев, Сидорин, Пронин и другие неоднократно выезжали в Петроград и Москву для установления прочных связей с Республиканским центром и Московским советом офицерских депутатов²⁶. Активизировал деятельность своего военного отдела и Республиканский центр. В состав отдела вошли представители от различных контрреволюционных организаций. Союз казачьих войск представлял полковник Дутов; Военную лигу, созданную еще в марте 1917 г., — генерал Федоров. Республиканский центр объединил все существующие в Петрограде контрреволюционные офицерские организации и стал центром подготовки заговора в столице²⁷. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что между двумя контрреволюционными организациями, созданными в Петрограде финансово-промышленными кругами (Республиканский центр и Общество экономического возрождения России), с середины июля 1917 г. установилось более тесное сотрудничество²⁸.

В Москве центром консолидации военных контрреволюционных сил по-прежнему оставался Совет офицерских депутатов. Он превратился, по существу, в местный филиал Союза офицеров армии и флота. Реорганизации предшествовали переговоры руководителей офицерского Союза с лидерами Всероссийского союза торговли и промышленности. В результате их успешного завершения 4 июля последний, по предложению Рябушинского, ассигновал Союзу офицеров 25 тыс. рублей²⁹. 7 июля представитель Союза офицеров полковник Новосильцев выступил на заседании Совета офицерских депутатов. Он призвал офицеров к объединению и вступлению в Союз. Под влиянием его доклада было принято решение о роспуске Совета, что, однако, не было осуществлено³⁰. Совет сохранил видимость самостоятельной организации.

Деятельность Союза офицеров по подготовке контрреволюционного переворота заметно оживилась после назначения верховным главнокомандующим Корнилова³¹. В главном комитете Союза офицеров, по утверждению Керенского, к началу августа сосредоточивались все нити заговора³². Летом 1917 г. связи контрреволюционных офицерских организаций с московскими буржуазными политическими кругами настолько окрепли, что их представители обсуждали совместно с лидерами буржуазии конкретные планы установления контрреволюционной военной диктатуры. Один из активных деятелей Союза офицеров, по словам Деникина, так оценивал роль крупной буржуазии в подготовке заговора: «Русские общественные круги, в частности кадеты, обещали нам свою поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинского. И та и другая группы обещали поддержку у союзников, в правительстве, печати и деньгами»³³. В декларации, принятой советом Всероссийского союза торговли и про-

²⁵ Там же, л. 79.

²⁶ «Последние новости», 26 февраля 1937 года.

²⁷ «История гражданской войны». Т. 1, стр. 328; О. Чаадаева. Помещики и их организации в 1917 г., стр. 157; «Последние новости», 27 февраля 1937 года.

²⁸ «Последние новости», 27 февраля 1937 года.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, л. 244, л. 35.

³⁰ «Раннее утро», 8 июля 1917 года.

³¹ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. I, вып. 2. Париж. 1922, стр. 114.

³² «Последние новости», 21 февраля 1937 года.

³³ А. И. Деникин. Указ. соч. Т. 2. Париж. 1922, стр. 33.

мышленности 18 июля 1917 г., открыто заявлялось: «Если для спасения Родины нужна диктаторская власть, то такой властью может быть лишь истинно-национальная власть, сверхпартийная и сверхклассовая»³⁴. Программу репрессивных контрреволюционных мер, выдвинутую Корниловым, московские капиталисты встретили с восторгом. В газете «Утро России» не только одобрялось решение правительства принять условия генерала Корнилова при вступлении его в должность, но даже утверждалось, что «нет и не может быть иного выхода, иного решения»³⁵.

На Совещании буржуазных общественных деятелей, открывшемся в Москве 8 августа 1917 г., наряду с видными московскими промышленниками (Рябушинский, Третьяков, Коновалов и др.), петербургскими финансистами (Вышнеградский и др.), кадетами (Милюков и др.) присутствовали и активно участвовали в его работе представители генералитета (Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич и др.), а также руководители офицерских контрреволюционных организаций. Совещание прошло под лозунгом установления твердой власти и решительной борьбы с «анархией», то есть с революционным движением. Доклад о состоянии армии сводился к требованию полной отмены революционных завоеваний и в первую очередь был направлен против приказа № 1. Докладчик, при полном сочувствии присутствовавших, требовал восстановить всю полноту власти и прав офицеров³⁶.

Представители контрреволюционных офицерских организаций горячо приветствовали участников совещания. Делегаты Союза георгиевских кавалеров заявили о своей клятве «умереть за спасение России». Представители Союза офицеров, Союза георгиевских кавалеров и Союза казачьих войск огласили на совещании резолюцию о поддержке Корнилова. Резолюция требовала оставить Корнилова на посту верховного главнокомандующего под угрозой выступления контрреволюционных частей в его защиту³⁷. Резолюция в первую очередь была направлена против революционных организаций, требовавших отстранения контрреволюционного генерала от командования вооруженными силами. Кроме того, она имела, видимо, цель — положить конец тем колебаниям, которые были характерны в то время для Керенского. Последний не прочь был использовать решительного генерала для разгрома ненавистных ему большевиков и руководимых ими организаций, но опасался диктаторских поползновений самого Корнилова и крайних контрреволюционно-монархических тенденций его окружения. Махровый контрреволюционер и монархист Корнилов проявлял недовольство непоследовательной контрреволюционной деятельностью «социалиста» Керенского, мирясь с ним до определенного момента, пока буржуазия нуждалась еще в его «социалистической» фразеологии³⁸.

Участники Совещания общественных деятелей поддержали контрреволюционное офицерство. В телеграмме, посланной Корнилову от имени совещания, говорилось, что «всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России» являются преступными, что «вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой»³⁹.

На государственном совещании в Москве Корнилов оказался героем дня. Московская буржуазия с восторгом встретила контрреволюционного генерала. Его выступление, а также выступление казачьего генерала Ка-

³⁴ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 98—100.

³⁵ «Утро России», 22 июля 1917 года.

³⁶ «Утро России», 11 августа 1917 года.

³⁷ «Утро России», 9 и 10 августа 1917 года.

³⁸ Б. В. Савинков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сущность этих разногласий определял так: «А. Ф. Керенский подозревал генерала Корнилова в диктаторских замыслах, а генерал Корнилов подозревал А. Ф. Керенского в нерешительности и слабости» (ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 3, д. 33, л. 38).

³⁹ «Утро России», 10 августа 1917 года.

ледина, требовавших задушить революционное движение в армии самыми решительными мерами, встретили единодушное одобрение совещания⁴⁰. Во время совещания был решен вопрос о диктатуре. По данным Чрезвычайной следственной комиссии, начальник Александровского военного училища генерал Михеев сообщил офицерам, что на совещании диктатором назначат одного из трех генералов (Алексеев, Брусилов и Корнилов)⁴¹. Кандидатура Брусилова, однако, всерьез уже не выдвигалась. Поэтому обсуждались лишь две кандидатуры. Окончательному выбору способствовало то, что Алексеев, по словам Деникина, «уступил пальму первенства Л. Г. Корнилову»⁴². Буржуазная периодическая печать в эти дни прославляла Корнилова. Орган московских торгово-промышленных кругов газета «Утро России» опубликовала статью, в которой говорилось: «Вдумываясь в смысл речей генералов Алексеева, Корнилова и Каледина, мы приходим к выводу, что с их стороны не было ничего недосказанного и то, что рекомендовано ими для воссоздания армии, есть единственный путь спасения нашей родины и завоевания ею политических свобод»⁴³. В следующем номере газета выступила с горячей поддержкой новых требований Корнилова, предъявленных Временному правительству⁴⁴.

Во время государственного совещания между Корниловым и петроградскими монополистами была достигнута договоренность о более значительном финансировании военных организаций в дни непосредственной подготовки контрреволюционного мятежа. В вагоне верховного главнокомандующего состоялась конфиденциальная встреча Корнилова с Путиловым и Вышнеградским. Корнилов просил у петербургских финансистов более щедрых субсидий, необходимых для содержания офицеров и юнкеров в Петрограде, направлявшихся туда для организации восстания в момент приближения контрреволюционных войск к столице. Вышнеградский и Путилов обещали предоставить эти средства. В общей сложности только петроградские банки выплатили различным офицерским контрреволюционным организациям в эти дни около 1 млн. рублей⁴⁵.

Военный отдел Республиканского центра подготовил к этому времени детальный план захвата стратегически важных объектов в Петрограде. По данным Фийисова, «все было готово к двадцатым числам августа»⁴⁶. Вслед за тем в ставке состоялись совещания, посвященные, видимо, тщательной разработке плана захвата власти военными заговорщиками. По свидетельству представителя Союза георгиевских кавалеров Добрынского, совещания проходили 18—19 августа⁴⁷. К этому времени особенно отчетливо обнаружилось связи петроградских финансовых кругов с международными контрреволюционными силами. Завойко и матерый английский агент Аладьин имели самые тесные контакты с английским посольством⁴⁸. При их активном участии комплектовалось правительство военного диктатора.

В это же время представители ставки вели оживленные переговоры с московскими политически активными кругами буржуазии. Трудно воссоздать характер и основное содержание переговоров, ибо еще в 1917 г. деятельные участники их сделали все возможное, чтобы скрыть следы. Бесспорно лишь одно, что исходной точкой переговоров являлся вопрос об организации власти после установления военной диктатуры Корнилова. Московские капиталисты требовали, видимо, гарантий, что новое

⁴⁰ «История гражданской войны». Т. 1, стр. 331, 333.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 1, д. 6, л. 60.

⁴² А. И. Деникин. Указ. соч. Т. 2, стр. 29.

⁴³ «Утро России», 19 августа 1917 года.

⁴⁴ «Утро России», 20 августа 1917 года.

⁴⁵ «Последние новости», 20 января, 26 февраля, 6 марта и 28 мая 1937 года.

⁴⁶ «Последние новости», 27 февраля 1937 года.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 2, д. 1, л. 11; оп. 3, д. 33, л. 10.

⁴⁸ См. Ф. И. Видясов. Указ. соч., стр. 60—61.

правительство достаточно внимательно будет прислушиваться к их голосу. Они добивались выгодного соотношения сил в будущем правительстве диктатора, стремясь контролировать наиболее ответственные министерства.

Переговоры относительно деталей организации военной диктатуры происходили в 20-х числах августа. Главным посредником между ставкой, правительством и московскими промышленными кругами в это время выступает В. Н. Львов. 21 августа он, получив от Добрынского сведения о требованиях ставки и поставив о них в известность своего брата Н. Н. Львова (активного участника совета Совещания общественных деятелей, тесно связанного с Всероссийским союзом торговли и промышленности), срочно выехал в Петроград. 23 августа Керенский принял В. Н. Львова. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Керенский утверждал, что во время переговоров речь шла о «той Родзянковской группе, группе, так сказать, старых людей, которые засели в Москве», то есть прямо указывал на совет Совещания общественных деятелей⁴⁹. Переговоры велись в лихорадочно быстром темпе. 24 августа В. Н. Львов из Петрограда снова вернулся в Москву. В одном из своих показаний следственной комиссии он признался, что передал предложения Керенского Н. Н. Львову. Последний не смог отрицать этого факта. Он заявил в следственной комиссии, что 24 августа встречался с Третьяковым, Рябушинским и Родзянко и поставил их в известность о «намерении министра-председателя сформировать новое правительство»⁵⁰. В своих показаниях Н. Н. Львов предпринял попытку представить дело так, что предложение В. Н. Львова было будто бы для него неожиданным. И только якобы близкие личные отношения брата с Керенским заставили его принять предложение всерьез. В материалах той же следственной комиссии содержатся сведения, опровергающие эту версию. Почувствовав тенденцию следствия взвалить всю вину на него одного, В. Н. Львов дал иные показания. 5 октября 1917 г. он заявил, что «А. Ф. Керенский дал ему категорическое поручение представить ему от ставки и от общественных организаций их требования о реконструкции власти»⁵¹. Бесспорно, В. Н. Львов не являлся простым «почтальоном». Нет возможности пока установить, встречался ли он лично 24 августа в Москве с кем-либо из руководителей совета общественных деятелей. Но на другой день после его прибытия в Москву газета «Утро России» как бы дала открытый ответ московских политических деятелей Керенскому. В передовой статье газеты говорилось, что «Временное правительство бессильно объединить на общей платформе оба основных крыла Московского государственного совещания», что необходимо создать «твердое единое правительство»⁵².

Еще до окончания работы совета Совещания общественных деятелей, заседавшего в эти дни, В. Н. Львов, зная принципиальную позицию московских капиталистов и, очевидно, их точку зрения относительно состава будущего правительства, выехал в ставку⁵³. Несколькими днями ранее там же оказались руководители Республиканского центра. По свидетельству Финисова, они были вызваны телеграммой 21 августа для окончательного утверждения плана вооруженного выступления в Петро-

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 3, д. 33, л. 3. Совет Совещания общественных деятелей был создан на Московском совещании 8—10 августа. Совет возглавили М. В. Родзянко (председатель) и С. Н. Третьяков (товарищ председателя). В состав совета входили члены политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности: П. П. Рябушинский, С. А. Смирнов, Я. А. Голяшкин, С. В. Лурье, И. Г. Котан и др. («Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 г.», М. 1917, стр. 4).

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 686 с, оп. 3, д. 33, лл. 9, 10, 15.

⁵¹ Там же, л. 10.

⁵² «Утро России», 25 августа 1917 года.

⁵³ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 2, д. 1, л. 12.

граде. Одновременно с участием Корнилова обсуждался состав нового кабинета⁵⁴.

Корнилов в присутствии Завойко 25 августа принял В. Н. Львова. От имени Керенского Львов предложил верховному главнокомандующему условия реорганизации власти. Эти условия были, видимо, санкционированы московскими торгово-промышленными кругами. В противном случае непонятно, почему переговоры велись «частным» лицом В. Н. Львовым, а не членом Временного правительства Б. В. Савинковым, ближайшим помощником Керенского по военному министерству прибывшему в ставку 24 августа с просьбой направить к Петрограду кавалерийский корпус для борьбы с большевиками⁵⁵. Львов же выехал с ответом Корнилова в Петроград.

По предложению Корнилова Савинков и Керенский должны были 27 августа прибыть в ставку. На этот же день приглашались лидеры московских торгово-промышленных кругов. 25 августа В. Н. Львов направил своему брату записку следующего содержания: «Генерал Корнилов просит приехать в ставку выдающихся лидеров партий и общественных деятелей, в особенности Родзянко, немедленно. Предмет обсуждения: составление кабинета. Чрезвычайно важно поспешить откликнуться на его призыв. Телеграфируйте число приезжающих и время приезда по адресу: ставка; князю Голицыну»⁵⁶. Из Москвы, видимо, была получена и ответная телеграмма, так как 26 августа утром Добрынский получил от полковника Голицына, занимавшего должность генерала для поручений, бумагу на имя коменданта станции Москва-Александровская о предоставлении восьми мест в вагоне штаба для лиц, приглашавшихся в ставку. Эти места предназначались для Родзянко, В. Н. Львова, Маклакова, Тесленко, Н. Н. Львова, Рябушинского, Третьякова и Сироткина⁵⁷.

Тем временем в Москве проходили расширенные заседания совета общественных деятелей, принявшего 26 августа текст специального обращения к населению, которое было опубликовано 27 августа. Текст начинался с клеветнических выпадов против большевиков. Далее в обращении требовалось: «Временное правительство должно, наконец, решительно приступить к реорганизации армии согласно авторитетного указания ее вождей. Всякая пропаганда в армии должна быть преследуема и уничтожаема... Все анархические выступления в стране должны без колебания подавляться силой. Временное правительство должно изъять изменников, лиц, сеющих анархию, и пресечь разгул корыстных вожделений»⁵⁸. Буржуазия приветствовала и готовилась встретить военную диктатуру.

Подготавливая общественное мнение, буржуазные организации и буржуазная печать в дни намечавшегося Корниловым мятежа выступили с серией статей и обращений, призванных обосновать и доказать необходимость военной диктатуры. Газеты пестрели панегирическими материалами, превозносившими деятельность Корнилова. По всей видимости, переворот намечалось завершить к 3 сентября, ибо в этот день предполагалось собрать второе Совещание общественных деятелей. Однако именно 27—28 августа в московских политических кругах произошел какой-то несомненный, хотя и трудно уловимый перелом в отношении к Корнилову. Если до 20-х чисел августа в лагере контрреволюционных сил, сementированном ненавистью к большевикам и революционным массам, наблюдалось полное единодушие, то во время переговоров В. Н. Львова с Корниловым в ставке появились признаки новых настроений. Руководители готовящегося переворота, заручившись безоговорочной поддерж-

⁵⁴ «Последние новости», 27 февраля и 6 марта 1937 года.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 2, д. 7, л. 14.

⁵⁶ Там же, оп. 3, д. 33, л. 16; оп. 2, д. 1, л. 13.

⁵⁷ Там же, оп. 3, д. 33, л. 13.

⁵⁸ «Утро России», 27 августа 1917 года; «Раннее утро», 27 августа 1917 года.

кой петроградских финансовых кругов, сочли, что его успех заранее обеспечен. Для «истинных» монархистов типа Корнилова и его окружения, которым претила «социалистическая» демагогия Керенского, стало очевидным, что в борьбе с большевиками последний не имеет сколько-нибудь значительных сил, кроме офицерских контрреволюционных организаций.

Чем ближе подходило время выступления, тем откровеннее становились заявления непосредственных руководителей и участников мятежа. Они все более склонялись к мысли, что после установления диктатуры Керенский окажется лишней фигурой. В связи с этим корниловское окружение, в котором ведущая роль принадлежала ставленнику петроградских финансистов Завойко, намеревалось отстранить Керенского от активной политической деятельности и сохранить за своими ставленниками ключевые позиции в новом правительстве, особенно «экономические» министерства. Нельзя не отметить при этом, что в какой-то степени эта группа учитывала интересы своих московских соперников, и это нашло отражение в предварительном соглашении обеих группировок в середине августа 1917 года. 16 августа при Московском биржевом комитете под председательством товарища председателя политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности Лурье состоялось совещание представителей банков и промышленности с лидерами кадетов по вопросу о выработке плана финансово-экономической политики. В итоге обсуждения было признано необходимым провести более широкие совещания в Москве и Петрограде для выработки системы мер и государственного плана финансово-экономических мероприятий. При этом московские капиталисты должны были разработать вопросы, касающиеся промышленности и торговли, а петроградские — финансов⁵⁹. По существу, речь шла об организации корниловщины в сфере экономики.

Интересы московских промышленников учитывались и в наметках нового состава кабинета. Пост министра торговли и промышленности предназначался Третьякову, а пост министра финансов должен был занять Завойко. Кроме того, петроградские банки крайне заинтересованные в продовольственной торговле, закрепили за собой пост министра продовольствия (В. Н. Троицкий-Сенютович)⁶⁰. Однако у кадетов и московских промышленников определенную тревогу вызывали стремления петроградских финансистов, тесно связанных с англо-французским капиталом, посадить на ключевые посты в правительстве диктатора «случайных», по их мнению, людей. Так, вызывало недовольство намечавшееся корниловским окружением выдвижение Завойко и назначение на пост министра иностранных дел Аладьина⁶¹.

Положение осложнялось тем, что представителям петроградских банков и монархистски настроенным офицерам, являвшимся ведущей силой контрреволюционного заговора, не хватило выдержки. Они раньше времени проявили неприязненное отношение к Керенскому и московским промышленникам, связанным с различными «общественными» организациями. Так, во время пребывания в ставке В. Н. Львов узнал настроение офицеров, открыто говоривших о предстоящем аресте и расстреле Керенского. «На вокзале, когда я уезжал, — рассказывал В. Н. Львов, — то, удивляясь, почему, идя против Керенского, все же включают его в состав будущего кабинета, я спросил Завойко, какие основания включения Керенского в кабинет, на что Завойко ответил: «Это нужно для солдат, мы делаем это для видимости...» Тот же Львов, как утверждал Добрынский сообщал о словах Завойко, что Терещенко хотят «ухлопать»⁶².

⁵⁹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 632, лл. 1—2, 31.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 2, д. 7, л. 8.

⁶¹ Там же, оп. 3, д. 33, л. 9; «Последние новости», 29 января 1937 года.

⁶² ЦГАОР, ф. 683 с, оп. 2, д. 1, л. 14.

Однако общая политическая обстановка в стране к этому времени изменилась не в пользу руководителей заговора. Временное правительство, с большим вниманием следившее за политическим положением, все более и более убеждалось в том, что авантюра кандидата в диктаторы обречена на провал, что массы революционных рабочих, крестьян и солдат могут нести и мятежников и Временное правительство. Ставшая очевидной неизбежность краха контрреволюционного мятежа заставила московских политических деятелей принять меры предосторожности. Из показаний Добрынского видно, что 27 августа 1917 г. его миссия в Москве, связанная с доставкой московских общественных деятелей в ставку, потерпела неудачу. Многие из них «отсутствовали» в городе, другие ответили прямым отказом (Сироткин), третьи выдвинули различные надуманные причины⁶³.

Уклоняясь от активных форм поддержки мятежников, московские промышленники тем не менее открыто выражали сочувствие Корнилову и пытались продолжить работу по консолидации внутренних сил контрреволюции. Московские буржуазные газеты, вышедшие 27 августа и в последующие дни, были пронизаны прокорниловским настроением. Определяя направление действий контрреволюционных сил ввиду очевидного провала мятежа, московские промышленники заявляли, что Керенского и Корнилова разделяет не столько политика, ибо у них одна и та же цель (Учредительное собрание), сколько пути ее осуществления. Тем самым газета как бы заявляла о необходимости переориентации контрреволюционных сил на Керенского. При этом показательно, что резолюции, принятые Советом георгиевских кавалеров и собранием офицеров Московского гарнизона, содержали те же идеи⁶⁴.

Намек газеты «Утро России» на желание московских промышленников сотрудничать с Керенским был весьма прозрачным. Поэтому уже 31 августа ряд московских общественных деятелей и руководителей торгово-промышленных организаций получил предложение занять министерские посты во Временном правительстве⁶⁵. Сразу же после реорганизации правительства буржуазные круги и контрреволюционное офицество, опираясь на центральные органы власти, активизировали подготовку второго контрреволюционного заговора. Великая Октябрьская социалистическая революция сорвала антинародные планы контрреволюционеров.

Таким образом, в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции в России заметно выделяются две основные организации монополистической буржуазии, стремившиеся занять руководящее положение среди многочисленных контрреволюционных организаций, групп и течений. Обе эти группы весьма ревниво следили за действиями друг друга. В результате им так и не удалось сплотить свои силы в едином центре, способном координировать усилия ведущих контрреволюционных организаций. Нельзя не признать также, что сплочение военных сил контрреволюции, выступивших в качестве ударной силы белогвардейцев в гражданской войне, началось при активном участии монополистов еще до Великой Октябрьской социалистической революции.

⁶³ Там же, оп. 3, л. 33, л. 13.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, ф. 3631, оп. 1, л. 2, л. 46.